

**ИГОРЬ ЯКОВЛЕВИЧ
ФРОЯНОВ**

(22.06.1936 – 05.12.2020)

ПРОФЕССОР ФРОЯНОВ: AD PERPETUAM MEMORIAM

Холодным морозным утром 10 декабря 2020 года ручейки людей стекались к церкви на Смоленском кладбище. Здесь происходило отпевание, гражданская панихида и прощание с профессором Санкт-Петербургского государственного университета Игорем Яковлевичем Фрояновым. На церемонии собралось много разных, несхожих между собой по взглядам людей, объединенных чувством скорби и уважением к ученому. Наверное, в этом и есть величие безвременно ушедшего историка. Своим духовным наставником его считали представители как левых, так и правых взглядов, как

© М. С. Белоусов, 2020

православные, так и атеисты, как профессиональные ученые, так публицисты и общественные деятели. В чем же заключается феномен И. Я. Фроянова? На этот вопрос мы и попытаемся ответить в настоящей короткой реплике, предлагаемой в качестве некролога.

Вся научная биография Фроянова связана с Ленинградским (Петербургским) университетом, в стенах которого он впервые оказался в 1963 г., поступив в аспирантуру. Научным руководителем молодого историка стал декан исторического факультета, заведующий кафедрой истории СССР Владимир Васильевич Мавродин. Фроянов всегда с пиететом рассказывал о своем наставнике. Однако следует быть объективным — существенная преемственность идей между ними не просматривается. От В. В. Мавродина Фроянов принял скорее нечто другое — классический научный почерк, отражающий уникальные черты ленинградской школы, всегда отличавшейся существенным вниманием к историческому источнику, высочайшей историографической культурой, а кроме того, и, наверное, главное — стремлением к проблемности, то есть желанием ставить и решать крупные и масштабные научные задачи.

Путь изучения древнейших страниц отечественной истории, избранный Фрояновым, вполне укладывался в исследовательскую логику марксистской методологии. Его кандидатская диссертация была посвящена «эксплуатируемым» категориям населения древнерусского общества — челяди, холопам и смердам. В ней блестяще показано, что историкам следует усомниться в преобладании в Древней Руси феодального характера производственных отношений. Ведь первые (челядь и холопы) должны восприниматься, прежде всего, как рабы, а последние (смерды) — как вид населения, платящий дань. Здесь следует усматривать проявление архаических черт, а не признаки феодальной ренты.

Предметом докторской диссертации стали не только угнетенные члены славянского социума, а весь производственный базис в целом. В монографии «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории» (Л., 1974), представляющей собой сокращенный вариант диссертационного сочинения, рассматривается, традиционно для марксистской исследовательской парадигмы, сосуществование различных укладов в экономике древней Руси. В этой работе историк приходит к важнейшему для советской историографии выводу: «вотчины были островками в море свободного общинного землевладения». Таким образом, был нанесен серьезный удар по господствующему тезису о феодальном характере древнерусского хозяйства.

«Разобравшись» с базисом, Игорь Яковлевич сфокусировал свое внимание на надстройке. Данному сюжету была посвящена следующая монография — «Киевская Русь: Очерки социально-политических отношений» (Л., 1980). На страницах названной книги привычные и знакомые для советской науки древнейшие политические институты преобразуются. Князь из монарха становится «общинным чиновником», бояре из аристократов — политическими лидерами, органически связанными с народной средой. А главным политическим институтом земель Древней Руси оказывается вече — народное собрание. Фроянов полностью разрывает с монархической концепцией и предлагает своему читателю «народную историю», где главным персонажем, творцом и двигателем исторического процесса выступает «людьё». Сложно себе представить более марксистский взгляд на историю.

Но — как ни парадоксально это выглядит сейчас — именно данная работа вызвала волну (даже цунами) критики и обвинений в отходе от марксизма. Усилиями научных

оппонентов книга, которая должна была завершить киевскую трилогию — «Киевская Русь: Очерки отечественной историографии» (Л., 1990), долгие восемь лет ожидала выхода в свет. Три указанные работы составляют по своей сути единое исследование — панорамный взгляд на первые страницы нашей истории. Впоследствии историк объединит их под одной обложкой и опубликует под названием «Начала русской истории» (М., 2001). Перед нами последняя (по времени возникновения) в российской историографии цельная концепция древнейшего этапа русской истории, указывающая на господство общинного демократического строя. Такой однозначный, казалось бы, взгляд вызвал диаметрально противоположные интерпретации: в зависимости от политических предпочтений современники делали ударение либо на первой, либо на второй характеристике.

В 1980-е гг. Фроянов приступает к формированию научной школы. Каждый из учеников получает интересную и актуальную научную тему. Их исследования будут нацелены на апробацию и детализацию его концепции на конкретно-историческом материале. И венцом процесса станет появление монографии, написанной в соавторстве с А. Ю. Дворниченко, «Города-государства Древней Руси» (Л., 1988) — работа, ставшая переломной для развития и эволюции концепции: ранее сформулированные выводы были приложены к динамике развития древнерусских земель. Под пером историков единое государство пало, превратившись в конгломерат самоуправляющихся земских общин.

И тогда, и сейчас концепция Фроянова воспринималась как прорыв, как новое слово в исторической науке. Но заслуга историка, по нашему мнению, гораздо масштабнее. Работая в условиях советской исторической науки, он всегда с большим уважением относился ко всем этапам отечественной историографии. Тезис о земском характере древнерусской государственности был сформулирован еще дореволюционными исследователями. Потом все эти наблюдения в 1930-е гг. оказались сброшены с корабля современности и заменены эфемерным, списанным с европейских лекал модусом развития русской истории. Возродив «народный взгляд» на Древнюю Русь, Фроянов опроверг положения советской науки 1930–50-х гг. и фактически вернул изучение отечественной истории в русло классической дореволюционной историографии.

В последующих книгах, в частности в монографии «Мятежный Новгород» (СПб., 1992), анализируются политические коллизии IX–XII веков. И нигде Фроянов не обнаруживает классовую борьбу. Изучаемые сюжеты — эпизоды конфликтов между родами, между племенами, между князем и вечем... Продолжением исследования становится книга «Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы» (СПб., 1995). Здесь проблема рассматривается не в границах одного региона, а на примере всей древнерусской истории. Перед нами предстают народные волнения, «мятежи» и «крамолы». В монографии «Рабство и данничество у восточных славян» (СПб., 1996) исследуются ключевые категории зависимого населения Киевской Руси и характер их зависимости. Тогда же Фроянов совместно с Ю. И. Юдиным обращается к исследованию русского былинного эпоса: ученые смотрят на древний фольклор не как на памятник феодального общества, а исходя из уже разработанных представлений о политогенезе Древней Руси. Данные штудии будут собраны воедино и опубликованы в виде монографии «Былинная история» (СПб., 1997) — последней работе по истории Киевской Руси на данном этапе творчества. В дальнейшем весь наработанный за долгие годы

материал найдет отражение в изданных «Лекциях по русской истории» (СПб., 2015). Книга в наши дни станет культовой. Лекции Фроянова на первом курсе исторического факультета ЛГУ, которые легли в основу публикации, — визитная карточка университета еще с 1980-х годов.

В таком контексте стоит сказать, что создание концепции древнерусской истории явилось важнейшим фактором преобразования исторического факультета ЛГУ. В 1982 г. Фроянов был назначен деканом, и оставался руководителем 19 лет. Речь идет, в общем-то, об уникальном периоде в истории корпорации ленинградских / петербургских историков. Фроянов начинает активно сотрудничать с археологами, этнографами, античниками, медиевистами и филологами. Концепция конкретизируется и апробируется в разных областях исторического знания. Исследованию духовной культуры посвящена монография, подготовленная совместно с Э. Д. Фроловым и Г. Л. Курбатовым, — «Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь» (Л., 1988). На ее страницах отразились проблемы возникновения христианства, его эволюции в Византии и, самое главное — обстоятельства крещения Руси. Похожий междисциплинарный подход был реализован при разработке проблемы эволюции городов в книге «Становление и развитие раннеклассовых обществ» (Л., 1986). Под обложкой одной монографии объединены исследования Э. Д. Фролова об эволюции греческого полиса, Г. Л. Курбатова и Г. Е. Лебедевой о развитии городов в Византии, Фроянова и А. Ю. Дворниченко о генезисе русских городов-государств и археологический обзор данной проблематики, написанный И. В. Дубовым.

В результате Фроянов оказывается не просто главой факультетской администрации. В таких случаях принято говорить: «был крупным организатором науки». Но применительно к Фроянову этого совсем недостаточно. Он становится подлинным интеллектуальным лидером, вокруг которого выстраивается научная и педагогическая деятельность. Факультет приобретает удивительную солидарность, которую вряд ли можно увидеть в другие периоды его истории. Бренд «Истфак ЛГУ/СПбГУ» и фамилия Фроянов уже неотделимы. Школьники сдают экзамены и поступают на истфак для того, чтобы прослушать курс Фроянова по истории России. Концепция об отсутствии феодализма в Киевской Руси превращается в краеугольный элемент корпоративной идентичности вне зависимости от специализации. Вращивается целое поколение историков, свободных от изобретенных нарративов сталинской концепции нашей древности.

У многих, и, наверное, у самого Фроянова, создается ощущение, что историки способны определять не только интерпретации прошлого, но и интеллектуальный климат настоящего. Поэтому неудивительно, что ученый обращается к самой злободневной теме эпохи — появляется книга: «Октябрь семнадцатого. Глядя из настоящего» (СПб., 1997). Читая эту работу, невозможно сразу понять, что это — монография или огромное эссе? Фроянов предлагает ответы на самые переломные и рубежные вопросы: характер революции 1917 года, внутренние причины и иностранное влияние, значение победы большевиков для судьбы России. По его мнению, большевики стали созидательной силой, вытаскившей страну из хаоса и революции. Нельзя противопоставлять царскую Россию и Советский Союз. Сталин восстановил государство и реализовал вековые мечты, или, скажем иначе, решил национальные исторические задачи. И это пишет историк, вся биография которого как будто кричит об обратном: легко себе представить, что мог написать любой другой «сын врага народа», ученый, гонимый и критикуемый в 1970–1980-е гг. ...

Спустя два года появляется монография «Погружение в бездну» (СПб., 1999). Ее судьба оказалась сплетена с деятельностью исторического факультета не меньше, чем другие работы историка. Не успела книга появиться, и сразу же стала артикулироваться (используем именно этот термин, чтобы подчеркнуть дистанцию между реальным содержанием и образом в публичном пространстве) как образец «красного мракобесия», а факультет именоваться центром «шовинизма» и «черносотенства». Накал страстей, харизматичная фигура автора сыграли в данном случае злую шутку: большинство участников тех дискуссий (причем как слева, так и справа) книгу так и не прочитали. Попытка научного осознания недавних в истории страны событий оказалась в гипертрофированном фокусе общественного внимания.

Открывая монографию, мы не находим там ничего, за что ругали или хвалили историка общественные деятели. Непредвзятый анализ книги подводит к выводу, что Фроянов стремится раскрыть «археологию перестройки», показывает, что вместе с Горбачевым к власти, по сути, пришло «поколение Дубчека». Череда экономических ошибок усилила их интенции политического реформирования страны. И это первое поколение родившихся в Советском Союзе управленцев, с одной стороны, воспринимавшее окружающую действительность как нечто само собой разумеющееся, а с другой — искренне ненавидевшее все сталинское наследие, устремилось к демонтажу сформировавшейся матрицы. Но, противопоставив систему государственного суверенитета и власть партийных органов, они вдребезги разбили весь существовавший миропорядок. Сейчас, спустя 30 лет, тезис об идеологическом диссидентстве горбачевско-ельцинского поколения является общим местом большинства исследований. Но Фроянов увидел это первым, и первым произнес вслух то, в чем общество так не хотело себе признаваться.

Наблюдения за происходящим в реальной политике находят отражения в публицистических работах историка, которых в этот период становится достаточно много. Сюжеты представлены в подчеркнуто религиозно-нуарных тонах. Можем предположить, что свою роль в творческой депрессии сыграла семейная драма: в 2000 г. с разницей в месяц умирает супруга историка, а затем неизвестные расстреливают у выхода из квартиры старшего сына — Игоря Игоревича Фроянова. Сейчас, пролистывая эти статьи и заметки, собранные в отдельную книгу «Молитва за Россию» (СПб., 2008), приходим к заключению, что в них следует искать, прежде всего, реализацию личных качеств Фроянова — категорическое неприятие несправедливости в любом виде и искреннюю любовь к своей Родине. В указанных работах гораздо больше гуманистического настроя и пафоса, чем демонстрации политических взглядов.

Следующей темой исследования историк выбрал эпоху Ивана IV: предметом монографии «Драма русской истории. . .» (М., 2007) стал процесс учреждения опричнины. Фроянов, отказавшись от попыток предшественников увидеть корни этого явления в событиях середины XVI в., стремится показать, что террор подобного масштаба не мог возникнуть в результате частных и бытовых коллизий. Его истоки нужно искать в предшествующих десятилетиях, в идеологической борьбе, носившей, в соответствии с духом времени, существенный оттенок религиозности. Распространение ересей, с одной стороны, и духовные искания в связи с формированием по своей сути совершенно нового типа государства — с другой, стали, по мнению ученого, главными катализаторами вспыхнувшего пламени насилия.

Эпохе Московской Руси оказалась посвящена последняя работа ученого «Нашествие на русскую историю» (СПб., 2020), завершенная и опубликованная незадолго до его

смерти. Эта монография является образцом реализации взглядов и научного почерка Фроянова. Заявленная тема исследования — ордынское нашествие и иго. Но данный сюжет рассматривается через призму историографических конструктов: историка в гораздо большей степени интересует процесс возникновения и распространения интерпретаций конкретных фактов. Читая книгу, сложно сказать, кто ее протагонист — хан Батый или, например, Л. Н. Гумилев. Здесь само слово «нашествие» приобретает дуалистическое звучание: с одной стороны, речь идет о монголах, с другой — об историках, стремящихся к «переписыванию» истории. Через весь текст незримой нитью проходит риторический вопрос: какое из нашествий оказалось страшнее, вреднее и опаснее для России — средневековых кочевников или современных «внутренних диссидентов»?

Одним словом, мы видим, что авторский стиль Фроянова был связан с редкой для историка способностью предложить свое авторское прочтение любого, даже многократно исследованного сюжета. Именно это качество сделало его в определенный момент научным лидером ленинградских историков. Но есть разные типы лидерства. Одни становятся во главе благодаря своим способностям, другие при помощи харизмы. Очень редко появляются те, кто объединяет в себе оба типа: таких можно назвать абсолютными лидерами. К их числу, безусловно, относился Фроянов.

Многие его боялись и при этом восхищались. Но за внешней суровостью скрывался добрый, открытый и отзывчивый человек. Он всегда защищал слабых, даже если не разделял их взглядов и позиций, умел прощать и ни разу дурно не отозвался о своих оппонентах, и, конечно же, никогда и никому не позволял поступать несправедливо. Не случайно А. Х. Даудов, директор Института истории СПбГУ, в поминальном слове у могилы ученого скажет, что на каждом этапе — и когда был студентом, а потом преподавателем и «одним из его заместителей, и даже став деканом, всегда чувствовал себя рядом с ним как за каменной стеной». Однако камень тоже подвластен течению времени, чей безжалостный ход забирает даже исполинов. Но именно сейчас, после его смерти, мы особенно отчетливо понимаем, что знаем больше и видим дальше, потому что так долго имели честь стоять на плечах гиганта. Его книги, статьи, лекции, выступления останутся и будут вдохновлять еще много поколений историков на то, чтобы не бояться острых выводов, идти наперекор и напролом. Но человека нам будет очень сильно не хватать. Прощайте, дорогой Игорь Яковлевич, покойтесь с миром!

Информация о статье

Автор: Белоусов, Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, OrcID 0000-0002-6646-3927, Researcher ID A-9587-2015, Scopus ID 57196033720, SPIN-код 2384-6178; e-mail: m.belousov@spbu.ru

Заголовок: Игорь Яковлевич Фроянов (22.06.1936 – 05.12.2020)

Резюме: Некролог памяти выдающегося петербургского ученого И. Я. Фроянова

Ключевые слова: И. Я. Фроянов, некролог, историография

Information about the article

Author: Belousov, Mikhail Sergeevich — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, OrcID 0000-0002-6646-3927, Researcher ID A-9587-2015, Scopus ID 57196033720, SPIN-код 2384-6178; e-mail: m.belousov@spbu.ru

Title: Igor Yakovlevich Froyanov (22.06.1936 – 05.12.2020)

Summary: An obituary in memory of the outstanding St. Petersburg scientist I. Ya. Froyanov.

Keywords: I. Ya. Froyanov, obituary, historiography